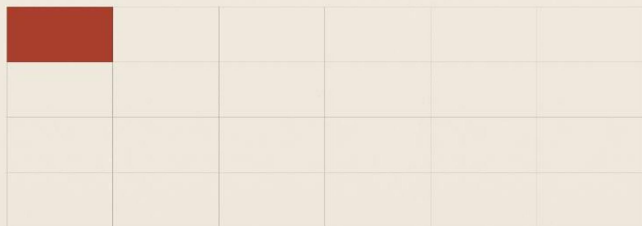

КНИГА ПЕРВАЯ · РОМАН

ИПОТЕКА

Всё под контролем. Кроме жизни.

«В Москве тоже ипотека».

ГАЛИНА ПЕТРОВНА СОКОЛОВА

ПЯТЬ КНИГ - ОДИН ГОД - ОДИН ДОМ

Александр Жарков

Ипотека

<https://litres.ru/74691713>

SelfPub; 2026

Аннотация

арк Гурвич продаёт будущее оптом: светлые метры, панорамные окна, жизнь у реки. Работает он на застройщика, в чей дом вложил всё, что заработал, и почти всё, что занял. Когда в собственной квартире начинает течь крыша, а в чате дольщиков появляется фотография трещины, Марк понимает: реклама, которую он пишет, — это его собственная жизнь, только с другой планировкой. Дома его ждёт беременная жена, у тёщи — уровень и блокнот, у начальника — требование «успокоить людей», а в городе детства собираются снести Дом культуры, где он когда-то не доиграл роль Андрея. Чтобы сохранить дом, ему придётся сделать то, чего он боится больше всего: сказать правду без слогана. Ипотека — это не про деньги. Это про будущее, которое вы взяли в долг у себя.

Содержание

Пролог. Три сестры	4
1. Дом, в котором начинается жизнь	8
2. Восемьдесят четыре тысячи	14
3. Чат	19
4. Усадка	24
5. Семейный ужин	29
6. Долящик номер один	35
7. Вечер памяти	41
8. Чужой праздник	45
9. Наследство	53
10. Кризисный директор	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Александр Жарков

Ипотека

«В Москву! В Москву!»

Антон Чехов. Три сестры

«В Москве тоже ипотека».

Галина Петровна Соколова, из личной переписки

Пролог. Три сестры

Сцена пахла пылью, столярным клеем и подгоревшим сахаром.

Сахар подгорал в самоваре. Самовар был настоящий, тяжёлый, 1957 года, с вмятиной на боку и медалью на груди, как у старого ветерана. Его поставили в центр сцены, и он шипел так громко, что в третьем ряду женщина из бухгалтерии комбината вздрагивала каждый раз, когда он начинал закипать.

Я стоял в двух метрах от него, в пиджаке, который был мне мал в плечах. Пиджак принадлежал покойному отцу Аркадия Борисовича. Учитель говорил, что он придаст мне «вес». Я весил тогда шестьдесят два килограмма вместе с ботин-

ками и чувствовал себя в этом пиджаке как шкаф, который несёт другой шкаф.

Шёл третий акт. Я играл Андрея. Андрей должен был сказать монолог о том, что жизнь не сложилась, что он хотел стать профессором, а стал секретарём земской управы, что жена его не понимает, а сёстры его не слышат. Монолог был длинный. Я знал его наизусть. Я знал его лучше, чем таблицу умножения. Я репетировал его в автобусе, в очереди за хлебом, в ванной, где мать стучала в дверь и кричала, что я затоплю соседей.

Но на сцене, когда свет стал тёплым и тяжёлым, а зал перестал кашлять, я посмотрел на самовар и забыл всё.

Не первую строчку. Первую я помнил. Я даже сказал её — что-то про мечты юности. А потом в голове открылась дверь, и за ней была пустая комната. Ни слова. Ни точки. Ни запятой. Только гул самовара и чьё-то дыхание в первом ряду.

Я стоял. Зал ждал. Актриса, игравшая мою жену, смотрела на меня с ужасом человека, который понимает, что сейчас придётся импровизировать всю жизнь.

И тогда из-за кулис раздался шёпот.

— Не останавливайся, — сказала Настя. — Говори что угодно. Просто говори.

Настя играла Ольгу. Она стояла в кулисе, в синем платье, с шалью, которую сама связала из остатков пряжи, и суфлировала мне, как суфлируют не текст, а жизнь.

Я сказал первое, что пришло в голову:

— Я хотел стать человеком, которого все любят. А стал человеком, которого все терпят.

В зале кто-то засмеялся. Не зло. Скорее от неожиданности. Я понял, что это не Чехов, но это правда, и пошёл дальше. Я говорил про Москву, про работу, про то, что человек не замечает, как становится чужим в собственной жизни. Я говорил семь минут. Я не помню, что именно. Я помню, что в какой-то момент самовар перестал шипеть, и стало слышно, как в зале плачет женщина.

Когда занавес закрылся, у меня дрожали руки. Настя вышла из-за кулис и сказала:

— Ты забыл половину.

— Я знаю.

— Но ты не остановился.

— Ты же сказала.

— Я сказала говорить. А ты сыграл.

Она поправила мне воротник и ушла. Через пятнадцать лет я узнаю, что это была лучшая рецензия в моей жизни.

После спектакля Аркадий Борисович позвал меня в кабинет. Кабинет был маленький, заваленный пьесами, шляпами и банками из-под чая. На стене висела афиша «Трёх сестёр», которую он нарисовал сам. На афише все мы были нарисованы углём: Настя с шалью, Лиза с книгой, Тимур с самоваром, Гриша с чем-то похожим на череп, Ася с крыльями. Я — с чемоданом.

— Ты знаешь, почему Андрей не уезжает? — спросил Аркадий Борисович.

— Потому что у него жена и долги.

— Потому что он боится, что в Москве его никто не будет ждать. Это разные вещи. Жена и долги можно пережить. А вот это — нет.

Он достал из ящика страницу с моей ролью. На полях было написано его рукой: «Когда будет трудно, позвони. Но сначала доиграй».

— Я уезжаю завтра, — сказал я.

— Знаю. Автобус в двадцать один сорок.

— Вы придёте?

— Нет. Я не люблю проводы. Проводы — это репетиция похорон без хорошего текста.

Он обнял меня. От него пахло табаком и валерьянкой. Я вышел на улицу. Было одиннадцать вечера, но в июне в Ольше не темнеет по-настоящему. Небо было белое, как молоко, и в нём висела одна звезда, которую я принял за самолёт.

Я нёс в руке страницу с ролью. Я думал, что это просто бумага.

1. Дом, в котором начинается жизнь

Сентябрь 2025 года начался с того, что я двадцать минут объяснял взрослым людям, почему дом, которого нет, — это хороший дом.

Презентация проходила в лофте «Перспектива» на территории бывшей кондитерской фабрики. Кирпичные стены, гирлянды, сушёный эвкалипт в стеклянных вазах, запах кофе из автомата, который стоял здесь, судя по цене, ещё с открытия. На экране шёл ролик: счастливая семья выходила из подъезда, собака виляла хвостом, дети бежали по дорожке, выложенной плиткой. Плитка была не наша. Собака была не наша. Семья была наёмная, но об этом знали только мы.

На столе под стеклянным куполом стоял макет жилого комплекса «Ольховый парк». Три башни, двор без машин, детская площадка, фонтан. Макет был красивый. В нём всё было на месте. В реальности на месте была только яма.

Я вышел к микрофону.

— Добрый вечер. Меня зовут Марк, я отвечаю за коммуникацию проекта.

Я ненавижу слово «коммуникация». Оно звучит так, будто человек разговаривает с домом, а дом отвечает ему эхом. Но в моей профессии нельзя говорить «я пишу рекламу

застройщику, который задерживает сроки». Надо говорить «коммуникация».

— Мы понимаем, что вы ждёте, — сказал я. — Мы разделяем ваше нетерпение. Сегодня я хочу честно рассказать, что происходит.

Это была первая ложь вечера. Я не собирался рассказывать, что происходит. Я собирался рассказать, как это выглядит.

В зале сидели человек шестьдесят. В основном женщины. Некоторые с детьми. Некоторые с мужьями, которые смотрели в телефон. В первом ряду сидел мужчина в клетчатой рубашке и держал папку так, будто это была не папка, а оружие.

— Мы сдвинули срок сдачи на девять месяцев, — сказал я. — Это не потому, что дом плохой. Это потому, что дом хороший. Мы заменили инженерные системы на более современные.

Это была вторая ложь. Системы никто не менял. Но людям нравится, когда им говорят, что они страдают ради качества.

Женщина в третьем ряду подняла руку.

— А трещины? — спросила она. — У вас в чате пишут, что пошли трещины.

В зале стало тихо. Я посмотрел на Артура. Артур сидел справа, в первом ряду, в тёмном костюме без галстука, с лицом человека, который уже нашёл виноватого и теперь ре-

шает, когда его уволит.

Артур чуть заметно кивнул и одними губами сказал:

— Усадка.

Я сказал:

— Это усадка.

Слово прозвучало как заклинание из плохой компьютерной игры.

— Усадка — это естественный процесс, — продолжил я.

— Дом встаёт на место. Как человек, который долго шёл и наконец сел.

— Дом — это человек? — спросила женщина.

— Дом — это тоже организм, — сказал я. — У него есть сердечные клапаны, нервная система, деньги.

На последнем слове я понял, что перегнул. В зале засмеялись. Смех был нехороший.

Мужчина в клетчатой рубашке встал.

— Я Сергей Волков, — сказал он. — Я штукатур. И я вам скажу: то, что вы называете усадкой, — это не усадка. Это когда строители экономят на арматуре. А трещина идёт от угла, где несущая стена. Вы понимаете, что такое несущая стена?

Я не понимал. Я понимал, что такое конверсия, охват и стоимость лида. Но несущая стена была вне моей компетенции.

— Мы проведём экспертизу, — сказал я.

— Вы уже проводили, — сказал Сергей. — В августе. И

результат не показали.

— Результат покажет застройщик.

— А вы кто?

— Я отвечаю за коммуникацию.

— Понятно, — сказал он и сел. — Говорящая голова.

В зале кто-то хлопнул. Один. Потом ещё двое. Я стоял и улыбался так, как учат на тренингах: уголки губ вверх, глаза не расширять, шея не краснеть. Шея меня не слушалась.

После мероприятия Артур подошёл ко мне и положил руку на плечо.

— Нормально, — сказал он. — Ты держался.

— Меня чуть не съели.

— Это разминка. Завтра они начнут писать в чат.

Он достал телефон и показал мне экран. В приложении «Ольховый парк» — да, у застройщика было своё приложение для жителей — открылся чат. В нём было 487 участников.

— Вот, — сказал Артур. — Это и есть твоя работа.

— Я маркетолог.

— Ты теперь ещё и психотерапевт. Поздравляю.

Он ушёл. Я остался в лофте, среди пустых стульев и сушёного эвкалипта. На экране телефона чат жил своей жизнью.

Наталья: Кто был на встрече? Что сказали?

Сергей В.: Сказали «усадка». Я штукатур, я знаю, что такое усадка.

Ольга: Может, скинемся на независимую экспертизу?

Дольщик №1: Не надо скидываться. Надо требовать.

Наталья: Кто это?

Сергей В.: Дольщик №1 — это наша совесть. Она пишет по ночам.

«Дольщик №1» писал по ночам. У него был аватар — чёрный квадрат с белой трещиной. Он не ругался, не капсил, не звал на баррикады. Он писал так, будто держал в руках строительный уровень и сердце одновременно.

Дольщик №1: Товарищи. Я всю жизнь строила. Трещина идёт от угла. Это не усадка. Усадка — это когда дом садится равномерно. А тут угол просел на два сантиметра. Это либо ошибка в проекте, либо экономия на арматуре. Я не хочу пугать. Я хочу, чтобы вы задали правильный вопрос.

Наталья: Какой?

Дольщик №1: Почему в проекте было двенадцать этажей, а в разрешении — четырнадцать?

Я закрыл экран и поехал домой.

Дома пахло пастой с томатами и чужим раздражением. Галина Петровна стояла на балконе и говорила по телефону.

— Я не говорю, что все воруют, — говорила она. — Я говорю, что если трещина идёт от угла, то это не усадка. Ты понимаешь, что такое угол? Угол — это место, где сходятся две стены. А стены — это то, что держит крышу. А крыша — это то, что падает тебе на голову, если стены не держат.

Она замолчала, слушая собеседника, потом сказала:

— Нет, я не паникую. Я констатирую.

Она повернулась ко мне и посмотрела так, будто это я был трещиной.

— Ты пришёл, — сказала она.

— Я здесь живу.

— Пока.

— Что значит «пока»?

— Ничего. Ужин на плите. Вера звонила, будет позже.

Она ушла в свою комнату. Я остался на кухне, среди кастрюль и её телефона, который лежал на столе. Экран загорелся.

Уведомление: «Трещина: новая публикация».

Я не подписывался на этот канал. Я подписался на другой, «Ольховый парк | Дольщики». Но уведомление пришло с иконкой, которую я знал: чёрный квадрат с белой трещиной.

Я взял телефон Галины Петровны. Он был без пароля. Она говорила, что пароль — это «форма слабости».

Канал «Трещина» открылся на публикации, которую я уже видел.

Дольщик №1: Почему в проекте было двенадцать этажей, а в разрешении — четырнадцать?

Под публикацией было двенадцать тысяч подписчиков и триста комментариев. Я посмотрел на аватар, потом на телефон, потом на дверь её комнаты.

В голове что-то щёлкнуло. Как замок, который закрыли изнутри.

2. Восемьдесят четыре тысячи

В банке пахло новой мебелью и чужими надеждами.

Мы сидели в кабинете ипотечного менеджера. Менеджера звали Алина, у неё были идеальные ногти и голос человека, который за день видит столько счастья, что уже не различает его от судороги.

— Итак, — сказала Алина. — Сумма кредита — двенадцать миллионов четыреста тысяч. Срок — тридцать лет. Ставка — семь и два. Платёж — восемьдесят четыре тысячи рублей в месяц.

Она сказала это так, будто поздравляла нас с рождением ребёнка.

Вера сидела рядом и смотрела в бумаги. Она была в сером свитере, с собранными волосами, и выглядела как человек, который уже прочитал договор и нашёл в нём три ошибки, но пока не решил, стоит ли об этом говорить.

— Досрочное погашение без комиссии? — спросила она.

— Да, — сказала Алина. — В любой момент.

— А если мы продадим квартиру до сдачи?

— Тогда переуступка. Отдельная комиссия.

— Сколько?

— Один процент от суммы сделки.

Вера кивнула и записала. Я смотрел на цифру «84 000» и думал, что это не деньги, а единица измерения стра-

ха. Восемьдесят четыре тысячи — это один месяц спокойствия. Один месяц, который можно купить, если продать всё остальное.

— Марк, — сказала Вера. — Ты согласен?

— Да, — сказал я. — Конечно.

Я не был согласен. Я был в ужасе. Но в моей семье было правило: если Вера спрашивает «ты согласен?», правильный ответ — «да», а потом можно обсудить детали. Это правило я сам придумал и сам же нарушал.

Мы подписали бумаги. Алина пожала нам руки. В коридоре я сказал:

— Мы только что купили дом, которого нет.

— Мы купили дом, который будет, — сказала Вера. — Это называется вера в будущее.

— Это называется ипотека.

— Это одно и то же.

Мы вышли на улицу. Было начало сентября, но уже пахло мокрым асфальтом и мандаринами из «Пятёрочки». Я достал ключи от машины. Машина была старая, «Шкода Октавия» 2012 года, с вмятиной на двери и запахом собаки, которой у нас никогда не было.

— У меня есть новость, — сказала Вера.

— Хорошая?

— Не знаю. — Она улыбнулась. — Я беременна.

Я замер с ключом в руке.

— Ты...

— Шесть недель. Я хотела сказать раньше, но сначала ты потерял премию, потом мы решали с квартирой, потом у мамы был день рождения, потом...

— Ты беременна, — повторил я.

— Да.

Я обнял её. Ключи упали в лужу. Я не заметил. Я целовал её в висок и думал: «Я стану отцом. У меня будет ребёнок. Мне нужно ещё больше денег. Я стану отцом. У меня будет ребёнок. Я не готов. Я стану отцом».

— Ты плачешь? — спросила она.

— Нет. Это дождь.

Дождя не было.

Дома нас ждал сюрприз.

В коридоре стояли коробки. Много коробок. На них было написано «Посуда», «Книги», «Не трогать», «Андрей». Последняя коробка была подписана рукой Галины Петровны и заклеена скотчем в три слоя.

— Мама переезжает? — спросила Вера.

Галина Петровна вышла из своей комнаты. Она была в рабочем халате, с линейкой в руке.

— Уже переехала, — сказала она. — Три месяца назад. Вы не заметили.

— Мы думали, ты просто живёшь у нас, потому что у тебя ремонт.

— Ремонт был в моей квартире. Я её продала.

Вера села на коробку.

— Как продала?

— Как продают. Через агентство. За хорошие деньги. Я вложила их в «Ольховый парк». Двухкомнатная на седьмом этаже. Рядом с вами.

Вера посмотрела на меня. Я посмотрел на Верин живот. Вера посмотрела на мать.

— Ты купила квартиру в доме, который строит компания, на которую работает Марк?

— Я купила квартиру в доме, в котором будет жить моя дочь и мой внук, — сказала Галина Петровна. — Это называется семья.

— Это называется безумие.

— Это называется инвестиция.

— Ты знала, что дом задерживают?

— Знала.

— И всё равно купила?

— Я строила дома, когда ты ещё ходила в школу. Я знаю, что задержки — это не конец. Это часть процесса.

— А трещины?

Галина Петровна замолчала. Она посмотрела на меня. Я сделал вид, что изучаю коробку «Не трогать».

— Трещины — это трещины, — сказала она. — Их надо смотреть.

— Ты смотрела?

— Я всегда смотрю.

Она ушла на кухню. Вера схватилась за живот. Я испугал-

ся:

— Что? Что-то не так?

— Всё так, — сказала она. — Просто я только что поняла: у нас одна ипотека на троих. И я не знаю, кто из нас троих её платит.

Она ушла в спальню. Я остался в коридоре с коробками. На коробке «Андрей» было написано что-то ещё, мелко, синей ручкой. Я наклонился.

«Не выбрасывать. Там его письма».

Я не знал, кто такой Андрей. Я знал, что это отец Веры, прораб, который умер десять лет назад. Я знал, что Галина Петровна никогда не говорила о нём больше двух минут.

Я выпрямился. В кармане завибрировал телефон.

Артур: Завтра в 10:00. Возьми ноутбук. Мы вычислили админа.

Я: Кого?

Артур: Дольщика №1. Найдёшь и обезвредишь. Это твоя премия.

Я посмотрел на дверь комнаты Галины Петровны. Оттуда доносилось бормотание телевизора и стук линейки по столу.

В тот момент я ещё не знал, что моя премия и моя тёща — это один и тот же человек.

3. Чат

В офисе «Фабрики смыслов» пахло кофе и амбициями. Амбиции были дешевле кофе.

Артур ждал меня в переговорной, которая называлась «Креатив». На стене висели постеры с нашими слоганами. «Дом, в котором начинается жизнь». «Будущее уже здесь». «Мы строим не стены, мы строим воспоминания». Последний слоган придумал я. Мне было стыдно, но не настолько, чтобы отказаться от премии.

— Садись, — сказал Артур. — Смотри.

Он развернул ко мне ноутбук. На экране была база данных чата «Ольховый парк | Дольщики». Все 487 участников, их номера, даты регистрации, активность.

— Мы сделали выгрузку, — сказал Артур. — По заказу застройщика. Нашли несколько аномалий. Аккаунт «Дольщик №1» зарегистрирован в июне. Пишет в основном ночью. Использует строительные термины. Упоминает СНиПы. У неё есть доступ к внутренним документам.

— Почему «у неё»?

— Потому что стиль. Женщина, старше пятидесяти. Скорее всего, бывший инженер. У неё руки.

— По тексту видно руки?

— По тексту видно всё. Она пишет «товарищи», а не «ребята». Она говорит «несущая стена», а не «стена». Она ста-

вит точку после «спасибо». Кто ставит точку после «спасибо»?

— Моя тёща.

Я сказал это раньше, чем подумал. Артур поднял бровь.

— Твоя тёща?

— Она ставит точку. После всего. Она вообще считает, что незавершённое предложение — это признак слабости.

— Интересно. — Артур записал что-то в блокнот. — Может, это она?

Он засмеялся. Я тоже. Смех был короткий и фальшивый, как реклама счастья.

— Ладно, — сказал Артур. — Твоя задача — найти человека. Не обязательно сдавать его застройщику. Можно просто... нейтрализовать.

— Что значит «нейтрализовать»?

— Поговорить. Предложить сотрудничество. Или компенсацию. Или просто объяснить, что она мешает людям получить ключи.

— Она мешает застройщику.

— Она мешает людям. Люди нервничают. Нервные люди не покупают.

— А мы продаём?

— Мы строим. — Он посмотрел на меня. — Ты сегодня какой-то моральный.

— Я узнал, что стану отцом.

— Поздравляю. — Он не поздравил. — Тогда тебе точно

нужна премия.

Я вышел из переговорной и пошёл в свой кабинет. Кабинет был маленький, с окном во двор, где рабочие пили кофе из бумажных стаканчиков. На столе стояла фотография Веры и Галины Петровны на даче. Галина Петровна держала в руках куст помидоров, как медаль.

Я открыл чат и начал читать «Дольщика №1» с самого начала.

Это было как читать чужой дневник, который написали про тебя.

Дольщик №1: Товарищи. Я предлагаю не ругаться. Я предлагаю собрать факты. Факт первый: в разрешении на строительство четырнадцать этажей. Факт второй: в проектной декларации двенадцать. Факт третий: никто не объяснил, откуда взялись два этажа. Я не юрист. Я инженер. Но я знаю, что этажи не рождаются сами.

Дольщик №1: Товарищи. Сегодня была встреча с представителем застройщика. Он сказал «усадка». Я не буду спорить с молодым человеком. Я скажу только: усадка бывает у дома, а у трещины есть направление. Это направление — к нашему углу.

Дольщик №1: Товарищи. Меня спрашивают, зачем я это делаю. Отвечаю: у меня там квартира. И ещё: я старая. Я не боюсь испортить отношения. Мне не с кем их портить.

Я читал и чувствовал, как у меня холодеет спина. Стиль был её. Интонация была её. Даже паузы были её.

Я зашёл в профиль. Аватар — чёрный квадрат с трещиной. Имя — «Дольщик №1». Телефон — скрыт. Дата рождения — не указана. Город — Олыша.

Галина Петровна родилась в Олыше.

Я закрыл ноутбук и пошёл курить, хотя не курю. На улице шёл дождь. Я стоял под козырьком и смотрел, как капли падают в лужу. В голове было две мысли. Первая: я должен найти этого человека и обезвредить его. Вторая: я живу с этим человеком.

Я достал телефон и написал Вере:

Я: Как ты?

Вера: Нормально. Токсикоз.

Я: Я тебя люблю.

Вера: Я знаю. Ты что-то натворил?

Я: Нет. Просто люблю.

Она не ответила. Я вернулся в офис.

Вечером дома я застал Галину Петровну за столом. Она писала что-то в блокноте. Рядом лежал телефон. На экране был открыт канал «Трещина». Я сделал вид, что не заметил.

— Марк, — сказала она. — Ты умеешь чинить кран?

— Умею.

— А не врёшь?

— Не вру.

— Хорошо. Потому что кран течёт, а сантехник — это роскошь.

Я пошёл в ванную. Кран действительно тёк. Я сел на кор-

точки, открыл шкафчик и увидел там старый блокнот. Он лежал между стиральным порошком и ёршиком. На обложке было написано: «Стихи. Не читать».

Я не стал читать. Я честный человек. Я только открыл первую страницу.

«Дом — это не стены. Дом — это когда кто-то ждёт. Но если стены трещат, кто-то должен чинить. Я устала быть этим кем-то».

Я закрыл блокнот. Кран потек сильнее.

4. Усадка

Стройка встретила меня грязью и запахом мокрого бетона.

Я приехал с фотографом и девушкой из PR. Фотографу было двадцать три, он носил бороду, как у лесоруба, и говорил «фрейм» вместо «кадр». Девушку звали Кристина, она держала папку с брифами и зонт, который выворачивался на ветру.

Нас встретил Валера — прораб в оранжевой каске, с лицом человека, который видел слишком много объектов и слишком мало зарплат.

— Вы из города? — спросил он.

— Из агентства, — сказал я.

— А, говорящие головы.

Он провёл нас по стройке. Ямы, арматура, лужи, бытовки, рабочие в дождевиках. На шестом этаже пахло свежей штукатуркой и сигаретами. Валера показал на стену.

— Вот, — сказал он. — Трещина.

Трещина была тонкая, как волос. Она шла от угла вниз, к полу, и в ней блестела вода.

— Это усадка? — спросил я.

— Это трещина, — сказал Валера. — Усадка — это когда дом садится. А тут угол просел. Видишь?

Он приложил уровень. Пузырёк ушёл вправо.

— На два сантиметра, — сказал он. — Может, на три.

— И что это значит?

— Это значит, что кто-то сэкономил на арматуре. Или на бетоне. Или на проекте. Я не знаю. Я прораб, а не волшебник.

— А что говорит застройщик?

— Застройщик говорит «усадка». А я говорю: усадка не идёт от угла.

Фотограф сделал несколько снимков. Кристина спросила, можно ли снять рабочих «крупнее, но чтобы лица не видно». Валера сказал:

— Можно вообще ничего не снимать. Тогда и врать не придётся.

Я посмотрел на трещину. В ней отражалось небо — серое, низкое, как потолок в дешёвой гостинице. Я подумал о Вере, о ребёнке, о восьмидесяти четырёх тысячах, о том, что я стою на шестом этаже дома, который должен был стать нашим домом, и смотрю на трещину, которую сам называл усадкой.

— Марк, — сказала Кристина. — Нам нужен комментарий.

— Что-то вроде «застройщик контролирует ситуацию».

— Слишком длинно. Люди не читают длинно.

— «Всё под контролем».

— Отлично.

Я продиктовал ей комментарий. Она записала. Валера

смотрел на меня так, будто я был той самой трещиной.

— Ты чей? — спросил он.

— В смысле?

— В смысле, ты откуда? Из Ольши?

— Из Ольши. А что?

— Ничего. Похож на одного учителя. Лев Семёнович, физик. Не родня?

— Отец.

— Хороший был учитель. — Валера сплюнул. — Он бы тебе сказал, что трещина — это не усадка.

Я не ответил.

В этот момент на стройке появилась женщина в плаще и с строительным уровнем в руке. Она шла по грязи уверенно, как по паркету. В другой руке у неё был блокнот. Она остановилась у стены, приложила уровень, посмотрела на пузырёк и что-то записала.

Это была Галина Петровна.

Она была в очках, которых я раньше не видел, и в каске, которую ей дал охранник. Она не заметила меня. Или сделала вид.

— Женщина, вам нельзя, — сказал охранник.

— Мне можно, — сказала Галина Петровна. — Я дольщик. Я плачу за это. Я имею право смотреть, за что плачу.

— Это строительный объект. Опасная зона.

— Молодой человек, я строила объекты, когда вас ещё не было. Я знаю, где опасная зона. Опасная зона — это там, где

нет арматуры.

Она прошла мимо. Охранник не остановил её. Она дошла до трещины, приложила уровень, сфотографировала на телефон и повернулась ко мне.

— Молодой человек, — сказала она. — Вы из агентства?

Я стоял в каске, с папкой, как идиот.

— Да, — сказал я.

— Передайте застройщику, что трещина идёт от угла. И что я это сфотографировала.

— Передам.

— Спасибо.

Она поставила точку после «спасибо» и ушла.

Я стоял и смотрел ей вслед. Кристина спросила:

— Это ваша тёща?

— Почему ты так решила?

— У вас одинаковое лицо. Не в смысле черт. В смысле выражения.

Я ничего не ответил. В кармане завибрировал телефон.

Дольщик №1: Товарищи. Я была на стройке. Трещина три сантиметра. Уровень показывает просадку угла. Я сфотографировала. Кто хочет посмотреть — пишите. И ещё: сегодня на стройке был молодой человек из агентства. Он сказал, что всё под контролем. Я не знаю, кто он. Но передайте ему: если он ещё раз скажет «под контролем», я приду к нему домой.

Я посмотрел на Галину Петровну. Она шла к выходу, дер-

жа уровень, как меч.

В этот момент я понял две вещи.

Первая: я вляпался.

Вторая: я живу с человеком, который вляпается ещё глубже.

5. Семейный ужин

Вера готовила пасту с грибами. Галина Петровна стояла над ней и говорила, что паста — это не еда, а «итальянская ошибка».

— Мама, — сказала Вера. — Это ужин.

— Ужин должен быть горячим и сытным. А это что? Макароны с грибами. Грибы — это то, что растёт под деревом. Их едят, когда нет мяса.

— В пасте есть пармезан.

— Пармезан — это сыр, который пахнет носками.

— То есть ты не будешь?

— Я буду. Я же не враг себе.

Я сидел за столом и делал вид, что читаю новости. На самом деле я читал чат. «Дольщик №1» опубликовала новый пост: «Товарищи. Я нашла в интернете проектную декларацию. Там двенадцать этажей. Кто-нибудь видел разрешение на четырнадцать?»

— Марк, — сказала Вера. — Ты слышишь?

— Слышу.

— Я спрашиваю, как ты относишься к тому, что мама купила квартиру в твоём доме.

— Положительно, — сказал я. — Семья должна жить рядом.

— Он врёт, — сказала Галина Петровна. — Он считает,

что я сошла с ума.

— Я так не считаю.

— Ты считаешь. У тебя лицо человека, который считает, что я сошла с ума, но боится сказать.

— У меня лицо человека, который хочет есть.

Я положил телефон экраном вниз. Галина Петровна села напротив. Она ела пасту так, будто делала одолжение грибам.

— Марк, — сказала она. — Ты давно был в Ольше?

— В июне.

— На похоронах был?

— Не смог.

— Не смог или не захотел?

— Была работа.

— На похоронах учителя? — Она положила вилку. — Аркадий Борисович тебя учил говорить. Ты не приехал. Это не работа. Это выбор.

Вера посмотрела на меня. Я почувствовал, как у меня краснеет шея.

— Я не мог, — сказал я. — У нас был проект.

— У тебя всегда проект, — сказала Галина Петровна. — Проект, проект, проект. А жизнь проходит.

— Мама, — сказала Вера. — Хватит.

— Я не говорю, что он плохой. Я говорю, что он занятой. Это разные вещи.

Она произнесла это с той интонацией, которой владеют только матери: вроде бы оправдание, а на самом деле приго-

вор.

— У нас новость, — сказала Вера.

Галина Петровна посмотрела на неё.

— Какая?

Вера положила вилку и сказала:

— Я беременна.

В комнате стало тихо. Даже холодильник перестал гудеть.

Галина Петровна медленно отложила салфетку. Потом встала. Потом села. Потом сказала:

— Когда?

— В июне.

— В июне? — Галина Петровна посмотрела на меня. — В июне ты был на стройке.

— В июне была другая стройка, — сказал я.

— У тебя все стройки одинаковые.

Она встала и подошла к Вере. Обняла её. Долго. Потом отстранилась и сказала:

— Значит, к июню нам нужна коляска, кроватка, коляска для второго? Нет, второго пока не надо. Нужен врач. Не этот ваш платный, а нормальный. Я знаю одного в Ольше. Он принимает по субботам.

— Мама, мы в Москве.

— В Москве тоже есть врачи. Просто в Ольше лучше.

Она вернулась за стол и посмотрела на меня.

— Марк. Теперь ты понимаешь, что тебе нельзя терять работу?

— Понимаю.

— И что квартира должна быть сдана в срок?

— Должна.

— И что ты не можешь врать?

Я посмотрел на неё. Она смотрела на меня.

— Я не вру, — сказал я.

— Врёшь, — сказала она. — Но пока не знаю где.

Она взяла телефон. Экран загорелся. На нём было уведомление: «Трещина: новая публикация».

— Что это? — спросила Вера.

— Канал, — сказала Галина Петровна. — О дольщиках. Пишут правду.

— Ты подписана?

— Я не подписана. Я пишу.

Она сказала это спокойно, как говорят «я пью чай без сахара». Вера замерла.

— Что значит «пишу»?

— Значит, я веду канал.

— Ты ведёшь канал о дольщиках?

— Кто-то должен.

— Мама!

— Что «мама»? Я инженер. Я вижу, что они делают. Я не могу молчать.

— Ты понимаешь, что Марк работает на этого застройщика?

— Понимаю. Поэтому он молчит.

Вера посмотрела на меня. Я смотрел в тарелку. Паста остыла и стала похожа на маленьких серых червей.

— Марк, — сказала Вера. — Ты знал?

— Нет, — сказал я.

— Врёшь, — сказала Галина Петровна.

— Мама, дай ему сказать.

— Он уже сказал. Он сказал «нет».

Я поднял глаза. Галина Петровна смотрела на меня без злости. Скорее с любопытством. Как инженер смотрит на трещину: интересно, насколько глубоко.

— Марк, — сказала она. — Я не враг тебе. Я враг тому, что ты делаешь. Это разные вещи.

— Я ничего не делаю.

— Ты пишешь слова, которые помогают им врать.

— Я пишу слова, которые помогают людям купить дом.

— Дом или квартиру?

— Это одно и то же.

— Нет, — сказала она. — Дом — это где ты живёшь.

Квартира — это что ты купил. Это разные вещи.

Она встала и ушла к себе. Вера посмотрела на меня.

— Ты знал, что она ведёт канал?

— Догадался.

— Когда?

— Сегодня.

— И не сказал?

— Я хотел сначала убедиться.

— Убедился?

— Почти.

Вера отодвинула тарелку.

— Я не понимаю, — сказала она. — Вы оба врёте. Мама врёт, что не паникует. Ты врёшь, что всё под контролем. Я одна говорю правду?

— Ты говоришь правду, — сказал я. — Поэтому я тебя люблю.

— Не надо меня любить. Надо мне не врать.

Она ушла в спальню. Я остался на кухне. В окне отражалась наша квартира: стол, две тарелки, бутылка вина, которую никто не открыл. За окном шёл дождь.

В кармане завибрировал телефон.

Артур: Нашёл?

Я: Почти.

Артур: У тебя неделя. Потом премии не будет. И, возможно, работы.

Я посмотрел на дверь Галины Петровны. За ней горел свет. Она писала очередной пост. Я знал это так же точно, как знал, что паста была не едой.

6. Дольщик номер один

Я не спал всю ночь.

Это не фигура речи. Я лежал рядом с Верой, которая спала, отвернувшись, и слушал, как в соседней комнате стучат по клавишам. Галина Петровна печатала быстро, зло, с паузами. Паузы были самыми страшными: в них она думала.

В шесть утра я встал, выпил кофе и открыл её дверь.

Она сидела за столом в халате, с очками на носу. На экране был открыт Telegram. Канал «Трещина». Админ-панель. Подписчики: 12 487. Новый пост: «Товарищи. Я нашла трещину в проектной декларации. Завтра расскажу».

— Стучаться не учили? — спросила она.

— Учили. Я стучу.

— Я не слышала.

— Потому что ты в наушниках.

Она сняла наушники. В них играл Высоцкий.

— Что тебе?

— Это ты? — спросил я. — «Дольщик №1» — это ты?

Она посмотрела на меня. Потом на экран. Потом снова на меня.

— Да, — сказала она.

— Почему ты не сказала?

— А зачем?

— Мы живём в одной квартире.

— Именно поэтому. Если бы я сказала, ты бы попросил меня остановиться.

— Я бы попросил.

— Вот видишь.

Она встала и налила себе чай. Не предложила мне. Это была её территория.

— Ты понимаешь, что я работаю на них? — спросил я.

— Понимаю.

— И что мне теперь делать?

— Не знаю. Ты взрослый человек. Реши.

— Меня просят найти тебя.

— Кто?

— Начальник.

— И что ты скажешь?

— Не знаю.

Она села напротив. Впервые за всё время она смотрела на меня не как на тещу на зятя, а как на человека.

— Марк, — сказала она. — Я не буду тебе врать. Я веду этот канал, потому что я боюсь. У меня там квартира. Все деньги, которые я заработала за сорок лет. Если дом поплывёт, я останусь с чемоданом и стихами. Я не могу этого допустить. Понимаешь?

— Понимаю.

— Нет, не понимаешь. Ты молодой. Ты думаешь, что если что-то пойдёт не так, ты начнёшь сначала. А я не начну. У меня нет времени начинать сначала.

Она отпила чай.

— Я не хочу тебя подставлять, — сказала она. — Но и молчать не буду. Если ты скажешь им, кто я, — что ж. Пусть приходят. Я им расскажу про арматуру.

— Они не придут. Они попросят меня.

— И что ты сделаешь?

Я молчал.

— Понятно, — сказала она. — Иди. Тебе на работу.

Я вышел из комнаты. Вера стояла в коридоре. Она слышала всё.

— Мама — «Дольщик №1»? — спросила она.

— Да.

— И ты знал?

— Догадывался.

— И собирался сдать её?

— Нет.

— А что собирался?

— Не знаю.

Вера посмотрела на меня долго. Потом сказала:

— Вы оба невозможные.

Она ушла на кухню. Я остался в коридоре с коробками. На коробке «Андрей» был скотч в три слоя.

На работе Артур ждал меня в переговорной. На столе лежал конверт.

— Это что? — спросил я.

— Премия. Авансом.

— За что?

— За имя.

Я сел. Конверт был тонкий, но тяжёлый.

— Я не нашёл, — сказал я.

— Нашёл. Просто не хочешь говорить.

— С чего ты взял?

— Потому что ты пришёл сегодня трезвый. Обычно, когда человек ничего не находит, он приходит с оправданиями. А ты пришёл с лицом.

— С каким лицом?

— С лицом человека, который знает.

Он открыл ноутбук.

— Смотри. Мы проанализировали активность. «Дольщик №1» публикует посты с домашнего интернета. IP-адрес — Москва, район Хамовники. Ты живёшь в Хамовниках?

— Живу.

— Вот видишь. Совпадение.

— В Хамовниках живёт двадцать тысяч человек.

— Но только у одного из них есть тёща-инженер.

Я похолодел.

— Откуда ты знаешь про тёщу?

— Ты сам сказал. В первый день. «Моя тёща ставит точку после спасибо». Я запомнил.

Он улыбнулся. Улыбка была не злая. Скорее профессиональная.

— Марк, — сказал он. — Я не прошу тебя сдать родствен-

ника. Я прошу тебя решить проблему. Поговори с ней. Объясни, что она мешает не застройщику, а людям. Предложи ей... я не знаю. Консультацию. Работу. Деньги. Пусть она пишет, но в нашу пользу.

— Ты предлагаешь купить мою тещу?

— Я предлагаю нанять её. Она талантливая. Ты читал её посты?

— Читал.

— Она пишет лучше, чем ты.

— Спасибо.

— Это не оскорбление. Это факт. Она пишет как человек, который знает, о чём говорит. А ты пишешь как человек, который знает, за что ему платят.

Он положил конверт ближе ко мне.

— Поговори с ней. До пятницы.

Я взял конверт. Внутри было двести тысяч. Я знал, что не должен брать. Я взял.

Вечером я не пошёл домой. Я поехал на вокзал и купил билет до Ольши. На завтра. На вечер памяти Аркадия Борисовича. Я не был на похоронах. Я решил, что хотя бы на вечер приду.

Дома я сказал Вере, что еду в командировку.

— В какую? — спросила она.

— В Ольшу.

— Ты не был на похоронах.

— Я знаю.

— Тебе будет стыдно.

— Я знаю.

Она подошла и поправила мне воротник.

— Передай им, что я не приеду. У меня токсикоз.

— Передам.

— И ещё. — Она замялась. — Не ври там. Хотя бы там.

— Постараюсь.

— Не старайся. Просто не ври.

Я кивнул. В кармане лежал конверт с деньгами. Он был тонкий, но тяжёлый, как трещина.

7. Вечер памяти

Автобус Москва—Ольша отправлялся в двадцать один сорок.

Я сидел у окна. За окном проплывали заправки, склады, поля, рекламные щиты с весёлыми лицами людей, которые брали кредиты. В автобусе пахло курицей гриль и мокрыми куртками. Женщина впереди ела пирожок и смотрела на телефон. Телефон говорил: «Вы успешны. Вы достойны. Вы можете больше».

Я думал о том, что в двадцать лет уезжал из Ольши с чемоданом и страницей из пьесы. В тридцать шесть я возвращался с конвертом денег и чувством, что забыл не только монолог, но и себя.

Автобус приехал в Ольшу в час ночи. Город спал. Фонари горели через один. На автовокзале сидел Тимур.

Он был в куртке поверх фартука, с ключами в руке.

— Ты чего не спишь? — спросил я.

— Тебя жду, — сказал он. — Гриша сказал, ты приедешь.

— Гриша всегда всё знает.

— Гриша работает с мёртвыми. Они ему рассказывают.

Мы обнялись. Он был тёплый, как печка.

— Голодный? — спросил он.

— Нет.

— Врёшь. Пошли.

Он привёл меня в свою шаурмичную. Она была закрыта, но свет горел. На стойке лежала лава: тонкая, как бумага.

— Садись, — сказал он. — Сейчас будет шаурма.

— Тимур, два часа ночи.

— Шаурма не смотрит на часы.

Он достал мясо, овощи, соус. Начал резать. Нож стучал по доске ровно, как метроном.

— Ты был на похоронах? — спросил он.

— Нет.

— Я знаю. Мы все знаем.

— Почему вы все знаете?

— Потому что тебя не было.

Он положил мясо на лаваш.

— Аркадий Борисович говорил, что ты самый талантливый. Он говорил, что ты умеешь говорить так, что люди верят. Он не говорил, что ты будешь говорить это за деньги.

— Он так говорил?

— Нет. Это я говорю.

Он свернул шаурму и протянул мне.

— Ешь. Потом пойдём в Дом культуры. Гриша там, Настя приехала. Лиза по видео будет. Ася тоже.

— Ася приехала?

— Она за главную. Похороны были в июне. Теперь вечер памяти. Ты знал, что она стала режиссёром?

— Слышал.

— Она злая, — сказал Тимур. — Как все режиссёры.

Я откусил шаурму. Она была горячая, острая, с чесноком.
Вкус детства. Я почувствовал, как у меня сжало горло.

— Нормально? — спросил Тимур.

— Нормально, — сказал я.

— Ты всегда так говоришь, когда не нормально.

— А как надо?

— Как есть.

Он вытер руки и посмотрел на меня.

— Марк. Ты вляпался?

— Вляпался.

— Сильно?

— Ипотека.

— Это не вляпался. Это взрослая жизнь.

— А трещина в доме?

— Это вляпался.

— У меня писали застройщику рекламу.

— И что?

— А дом трещит.

— Ты рекламировал трещину?

— Я рекламировал дом. Трещина появилась потом.

— Тогда ты не виноват.

— Я знал о трещине и говорил, что это усадка.

Тимур замолчал. Он взял нож и начал резать лук. Быстро,
ровно.

— Это плохо, — сказал он.

— Знаю.

— Но исправимо.

— Как?

— Скажи правду.

— Кому?

— Сначала себе. Потом людям. Потом уже застройщику.

— Это всё?

— Это всё. Правда, потом тебя уволят.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Он протянул мне ещё одну шаурму.

— Это с собой. Для Гриши.

— Гриша ест шаурму?

— Гриша ест всё, если рядом нет свидетелей.

Мы вышли на улицу. Олыша спала. Над Домом культуры висела луна. Она была полная, белая, как тарелка.

— Красиво, — сказал я.

— Это луна, — сказал Тимур. — Она всегда такая.

8. Чужой праздник

Дом культуры «Строитель» встретил меня запахом пыли и столярного клея.

Я не был здесь пятнадцать лет. Но запах был тот же. Пыль, клей, старый паркет, немного хлорки из подвала, немного сладкого чая из буфета. В фойе висела афиша «Трёх сестёр», выцветшая до цвета старой газеты. На афише мы были нарисованы углём: Настя с шалью, Лиза с книгой, Тимур с самоваром, Гриша с черепом, Ася с крыльями, я с чемоданом.

В зале горел свет. На сцене стоял стол, накрытый белой скатертью. На столе — самовар. Настоящий, тяжёлый, с вмятиной. Он не кипел. Он просто стоял, как памятник.

Гриша ходил по сцене и расставлял стулья.

— Ты опоздал, — сказал он.

— Автобус.

— Ты опоздал на пятнадцать лет. Автобус тут ни при чём.

Он обнял меня. Гриша был в чёрном костюме, который сидел на нём так, будто был сшит для другого человека, и в очках с треснувшим стеклом.

— Ты плакал на похоронах? — спросил я.

— Я работал, — сказал он. — На похоронах я всегда работаю.

— А здесь?

— Здесь я тоже работаю. Вечер памяти. Девять дней? Нет.

Год? Нет. Просто вечер.

Он поправил стул.

— Настя приехала. Лиза будет по видео. Ася сейчас выйдет.

— Ася.

— Не называй её так, как будто она твоя бывшая. Она не твоя бывшая. Она дочь учителя.

— Я знаю.

— Я не знаю, что ты знаешь. У тебя лицо человека, который думает, что знает.

Из-за кулис вышла Ася.

Она была в чёрном платье, с короткой стрижкой, с блокнотом в руке. В ней было что-то от отца: та же манера смотреть на людей так, будто она видит их насквозь и уже придумала для них роль.

— Марк, — сказала она. — Ты приехал.

— Приехал.

— На похороны ты не приехал.

— Знаю.

— Отец бы сказал: «Главное, что приехал сейчас».

— А ты что скажешь?

— Я скажу, что ты опоздал. Но спектакль ещё не начался.

Она улыбнулась. Улыбка была отцовская.

— Садись, — сказала она. — Сейчас будем вспоминать.

Зал начал заполняться. Пришли учителя, бывшие ученики, соседи, женщина из буфета, которая помнила нас детьми.

Настя сидела в первом ряду, в тёмном пальто, с телефоном в руке. Она была бледная и казалась старше своих тридцати четырёх. Рядом с ней стояла сумка, из которой торчала бутылочка с молоком. Она только что родила? Нет, её время ещё не пришло. Бутылочка была для чужого ребёнка? Я не спросил.

Лиза появилась на экране ноутбука, который стоял на стуле. Она была в Тбилиси, в майке, с котом на плече. Изображение дёргалось.

— Меня слышно? — спросила она.

— Слышно, — сказал Гриша.

— Я не могу приехать. У меня перевод. И граница.

— Мы знаем, — сказала Ася. — Ты с нами.

— Я с вами, — сказала Лиза. — Но не телом.

Тимур принёс шаурму и поставил её на стол рядом с самоваром.

— Это не поминальное, — сказал он. — Это чтобы вы не умерли с голоду.

Кто-то засмеялся. Смех был неловкий, но живой. Именно такой смех бывает на поминках, когда кто-то не выдерживает.

Ася вышла на сцену.

— Мы собрались, — сказала она, — чтобы вспомнить Аркадия Борисовича Штерна. Учителя. Режиссёра. Человека, который верил, что театр может изменить человека, если человек согласится измениться.

Она посмотрела в зал.

— Папа не любил длинные речи. Он говорил: «Говорите коротко. Если хотите сказать что-то важное, скажите это в трёх словах. Если не можете — значит, ещё не поняли».

Она помолчала.

— Я не поняла. Поэтому скажу длинно.

Зал улыбнулся.

Ася рассказала об отце. О том, как он пришёл в Дом культуры в 1972 году молодым режиссёром и поставил «Горе от ума» с местными школьниками. О том, как в девяностые продавал книги из своей библиотеки, чтобы купить краску для декораций. О том, как в две тысячи десятом поставил «Трёх сестёр» с нами и сказал: «Это лучший спектакль, который я не заслужил».

Потом вышли другие. Учительница литературы, соседка, бывший ученик, который стал врачом. Все говорили коротко. Все смеялись. Все плакали.

Женщина лет семидесяти, в синем платке, сказала:

— Я пришла к нему в семьдесят втором. Мне было шестнадцать. Я была тугодумка. Все говорили: «Валя, ты не поступишь». Он сказал: «Валя, ты не поступишь, если будешь слушать всех». Я поступила. В педагогический. Сорок лет работала. Теперь вот пришла сказать спасибо. — Она помолчала. — Он был строгий. Но справедливый. Это редко встречается вместе. Обычно одно без другого.

Мальчик лет двенадцати, из последней студии «Маска»,

прочитал стихотворение. Он волновался, сбивался, начинал заново. В зале никто не торопил его. Когда он закончил, Ася сказала:

— Аркадий Борисович говорил: «Если ребёнок сбился, не подсказывайте. Дайте ему вспомнить самому. Он должен узнать, что память — это его, а не ваша».

Мальчик сел. Его мать вытирала глаза. Он посмотрел на неё и сказал шёпотом, но в тишине было слышно:

— Я не сбился. Я думал.

Зал засмеялся. И этот смех был лучше любой речи.

Буфетчица тётя Рая рассказала, как учитель каждый день покупал у неё чай и никогда не брал сдачу.

— Говорил: «Рая, это тебе за то, что ты улыбаешься». Я говорила: «Аркадий Борисович, я улыбаюсь не за деньги». Он говорил: «Значит, я плачу не за улыбку, а за то, что ты есть». — Она вытерла руки о фартук. — Я ему потом самовар отдала. Из дома принесла. Он говорил: «Рая, это музейная вещь». Я говорила: «Это чайная вещь. Музей — это где на неё смотрят и не пьют».

Самовар стоял на столе, помятый, с отбитой ручкой. Кто-то догадался поставить рядом чашки. Никто не наливал. Но все смотрели на него так, будто он всё-таки кипел.

Потом вышла Ася. Она держала в руке старую тетрадь.

— Это его режиссёрский дневник, — сказала она. — Я нашла его в кладовке. Там записи за тридцать лет. Я прочитала только одну страницу. Про нас.

Она открыла тетрадь.

— «Двенадцатое апреля, две тысячи десятого. Сегодня Марк опоздал на репетицию на сорок минут. Сказал, что автобус. Я сказал, что автобус — это уважительная причина, если ты едешь к врачу, и неуважительная, если ты едешь к людям, которые тебя ждут. Он обиделся. Хорошо. Обида — это топливо. Пока человек обижается, он живой. Плохо, когда ему всё равно».

В зале кто-то засмеялся. Я почувствовал, что краснею.

— «Двадцать третье апреля. Марк не выучил роль. Сказал, что забыл тетрадь. Я сказал: «Андрей тоже забывал. Поэтому он и несчастен. Ты играешь человека, который всё помнит и ничего не говорит. Не путай его с собой». Он не понял. Но записал. Это уже победа».

Ася закрыла тетрадь.

— Я могла бы прочитать ещё. Но папа сказал бы: «Хватит. Важное — в трёх словах». — Она посмотрела в зал. — Он любил вас. Всех. Даже тех, кто не пришёл.

Она не смотрела на меня. Но я знал, что это мне.

После этого очередь дошла до нас. Гриша сказал:

— Марк, скажи.

Я вышел на сцену. В зале было человек восемьдесят. Я знал половину.

Я не готовился. Я хотел сказать что-то красивое. Про сцену. Про свет. Про то, как учитель учил нас не бояться.

Я сказал:

— Я не приехал на похороны. Я работал. Это не оправдание. Это правда. Аркадий Борисович сказал бы: «Главное, что приехал сейчас». Но я знаю, что он бы соврал. Он бы сказал так, чтобы мне было легче. А я не хочу, чтобы мне было легче.

Я посмотрел на самовар.

— Он учил меня говорить. Не красиво. Правдиво. Я забыл это. Я стал говорить красиво. За деньги. И теперь я стою здесь и понимаю, что не умею сказать главное.

Я замолчал. В зале было тихо.

— Но я помню одну вещь, — сказал я. — Он сказал: «Когда будет трудно, позвони. Но сначала доиграй». Я не позвонил. И не доиграл. Но я приехал.

Я сошёл со сцены. Настя взяла меня за руку. Гриша кивнул. Тимур подал шаурму.

— Ты сказал, — сказал он.

— Сказал.

— Нормально.

— Нормально.

После вечера Ася позвала нас в кабинет отца. Тот самый, с афишей и банками из-под чая. На столе лежал конверт.

— Это вам, — сказала она. — Всем пятерым.

Гриша взял конверт. Внутри было письмо и пять страниц.

— Что это? — спросил я.

— Завещание, — сказала Ася. — Точнее, не всё завещание. Нотариус прочитает в Москве. Но папа хотел, чтобы вы

узнали первыми.

Гриша прочитал письмо. Потом прочитал ещё раз. Потом отдал мне.

Письмо было короткое.

«Дорогие мои. Я оставляю вам Дом культуры. Не потому, что вы его заслужили. А потому, что вы единственные, кто может его спасти. Условие одно: до 30 декабря 2026 года вы должны сыграть на его сцене спектакль. Не для меня. Для себя. Если не сыграете — дом отойдёт городу, а город уже продал его. Я знаю, что вы заняты. Я знаю, что у вас ипотека, дети, работа, страны. Но я также знаю, что человек, который не играет, начинает умирать раньше времени. Не подведите себя. Ваш Аркадий Борисович».

Я дочитал и посмотрел на самовар. Он стоял в углу, старый, помятый, с медалью на груди.

— Он сумасшедший, — сказал я.

— Он режиссёр, — сказала Ася. — Это одно и то же.

9. Наследство

Нотариус Семён Маркович Гринберг принимал в маленьком кабинете на Тверской, где пахло бумагой и старыми книгами.

Он был в костюме, который помнил Ельцина, и в галстуке, который помнил Брежнева. На столе стоял компьютер, но рядом лежала пишущая машинка.

— Я не доверяю технике, — сказал он. — Она забывает.

Мы сидели впятером: я, Настя, Лиза (по видеосвязи), Тимур и Гриша. Ася стояла у окна.

— Итак, — сказал Гринберг. — Завещание Аркадия Борисовича Штерна. Оглашаю.

Он открыл папку.

— Дом культуры «Строитель» в городе Ольша, а также земельный участок под ним и движимое имущество, включая самовар, переходят в общую долевую собственность Марка Львовича Гурвича, Анастасии Игоревны Ковалёвой, Елизаветы Викторовны Ветровой, Тимура Рашидовича Ахметова и Григория Мельника.

— Самовар? — переспросил Тимур.

— Самовар, — сказал нотариус. — В завещании указан отдельно. Аркадий Борисович был педантом.

— А условие? — спросил Гриша.

— Условие. — Нотариус посмотрел в бумаги. — Наслед-

ники обязаны в срок до тридцатого декабря две тысячи двадцать шестого года провести на сцене Дома культуры публичный спектакль. Не менее одного представления. С участием всех пятерых наследников. В противном случае имущество переходит муниципалитету города Олыша.

— То есть мы должны играть? — спросил я.

— Вы должны играть.

— А если кто-то не может?

— Тогда имущество переходит муниципалитету.

— Это шантаж, — сказал я.

— Это завещание, — сказал нотариус. — Шантаж — это когда вас просят деньги. А здесь просят спектакль.

— Это одно и то же, — сказала Настя.

— Нет, — сказал Гриша. — Это хуже. Деньги можно занять. Талант — нет.

— У нас есть талант? — спросил Тимур.

— У нас есть память, — сказал Гриша. — Иногда этого достаточно.

Нотариус пролистал бумаги.

— Есть ещё один пункт. Аркадий Борисович оставил каждому из вас письмо. Личные. Он просил вручить их после оглашения.

Он раздал конверты. Мой был подписан: «Марку. Когда будет трудно».

Я не открыл его. Я положил в карман.

— И ещё, — сказал нотариус. — Дом культуры находится

в списке на снос. Решение городского совета. Снос запланирован на пятнадцатое января две тысячи двадцать седьмого года.

— То есть у нас год, — сказала Лиза с экрана.

— У вас год.

— А если мы сыграем? — спросил Тимур.

— Тогда завещание исполнено. Имущество ваше. Что вы с ним сделаете — ваше право.

— А город? — спросила Настя.

— Город может оспорить. Но завещание — это закон.

Я посмотрел на друзей. Настя смотрела в телефон. Тимур — на самовар. Лиза — в экран. Гриша — на нотариуса. Ася — в окно.

— У меня ипотека, — сказал я.

— У всех ипотека, — сказал Гриша. — У кого-то на квартиру, у кого-то на жизнь.

— У меня ребёнок будет.

— У меня отец с деменцией, — сказал Тимур.

— У меня мать одна, — сказала Лиза.

— У меня работа, — сказала Настя.

— У меня нет ничего, — сказал Гриша. — Поэтому я буду играть.

Он положил конверт в карман.

— Я не могу обещать, — сказал я.

— Никто не может, — сказал Гриша. — Но ты можешь приехать на первую читку в апреле.

— Апрель — это далеко.

— Апрель — это через шесть месяцев. Дом снесут через четырнадцать. У нас есть время.

— У нас нет времени, — сказал я.

— У тебя нет. У дома есть.

Нотариус закрыл папку.

— Господа, — сказал он. — Я не обязан вас любить. Я обязан исполнить волю. Но позвольте совет: не решайте сейчас. Приезжайте в Ольшу. Посмотрите на дом. Потом решите.

— А если мы решим продать? — спросил я.

— Продать вы сможете только после спектакля. Так написано.

— То есть мы не можем даже продать?

— Можете. Через год. После спектакля.

Я почувствовал, как меня обманули. Хотя никто не обманывал. Просто учитель знал нас лучше, чем мы себя.

На улице шёл дождь. Мы стояли у нотариуса и молчали.

— Ну что? — сказал Тимур. — Шаурма?

— Мне надо на поезд, — сказала Настя.

— Мне в Тбилиси, — сказала Лиза.

— Мне на работу, — сказал я.

— Мне на кладбище, — сказал Гриша.

Мы посмотрели на него.

— У меня похороны в три, — сказал он. — Не мои. Не волнуйтесь.

Он ушёл. Настя уехала. Лиза отключилась. Тимур остался со мной.

— Ты придёшь? — спросил он.

— Не знаю.

— Придёшь. Ты всегда приходишь, когда уже поздно.

— Это не комплимент.

— Это правда.

Он обнял меня и ушёл. Я стоял под дождём с конвертом в кармане. В конверте были письмо, деньги и роль.

10. Кризисный директор

В понедельник Артур вызвал меня в кабинет и закрыл дверь.

— Поздравляю, — сказал он. — Ты назначен директором по кризисным коммуникациям.

— Это новая должность?

— Это старая должность, но с новым названием. Раньше называлась «мальчик для битья». Теперь — «кризисный директор».

— А премия?

— Премия будет. Если решишь вопрос с «Дольщиком №1».

Я сел. В кабинете пахло его одеколоном и чужими деньгами.

— Я не могу её сдать, — сказал я.

— Почему?

— Потому что это моя тёща.

Артур посмотрел на меня. Потом засмеялся. Потом перестал.

— Ты серьёзно?

— Серьёзно.

— Твоя тёща ведёт канал о дольщиках?

— Да.

— И ты живёшь с ней?

— Да.

— И она знает, что ты работаешь на нас?

— Знает.

— И всё равно ведёт?

— Ведёт.

Артур откинулся в кресле.

— Это гениально, — сказал он. — Это просто гениально.

— Что гениально?

— У нас в руках человек, который знает всё. И этот человек живёт с тобой. Ты понимаешь, какие возможности?

— Она не продается.

— Все продаются. Вопрос в цене.

— Она не продается.

— Тогда купи не её. Купи её страх.

— Какой страх?

— Тот же, что у всех. Что дом рухнет. Что деньги пропадут. Что её никто не защитит.

Он открыл ящик и достал папку.

— Вот договор. Мы предлагаем ей официальный статус представителя дольщиков. Консультант. Зарплата. Доступ к документам. Легальная возможность задавать вопросы. Ей не придётся писать в анонимном канале. Она сможет делать это официально.

— Вы хотите её купить.

— Я хочу её приручить. Это гуманнее.

— А если она откажется?

— Тогда мы найдём другой способ. — Он положил папку на стол. — Но я не хочу другого способа. Мне нравится твоя тёща. Она пишет лучше, чем наши юристы.

Я взял папку. В ней был договор на восемь страниц и зарплата, которая была больше моей.

— Поговори с ней, — сказал Артур. — До пятницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.